СОДЕРЖАНІЕ № 2.

стр.

I. Изъ первобытной исторіи человѣчества. *П. Засодимскаго* 189
II. Антропо-соціологія. Окончаніе. Прив.-доц. *Л. Винярскаго.* 200
III. Ученіе Бемъ-Баверка о прибыли и капиталѣ. *А. Рыкачева.* 219
IV. О развитіи методовъ теоретической физики въ новѣйшее время. Проф. *Больцманна.* 238
V. Къ методологіи соціальной науки. *Георга Зиммеля.* Пер. П. Берлина. 249
VI. Вліяніе космическихъ условій на физіологическія отправленія. Проф. *Сванте Арреніуса.* Перев. Д-ра М. В. Соколова 261
VII. Алхимическія задачи и ихъ исторія. Прив. доц. *М. Ю. Гольдштейна.* 299
VIII. Критика новѣйшихъ экономическихъ ученій. *М. Филиппова.* 312
IX. Московская смута XVII вѣка и основа соціологіи. Проф. *А. Трачевскаго.* 328
X. Англія и Трансвааль. *Р. Фюслейна.* Перев. Піотровскаго. 343
XI. Народы и государства въ средніе вѣка. Проф. *А. Кауфманна.* 371
XII. Москитная теорія маляріи *Б-ъ.* 403
XIII. Отвѣтъ М. Филиппову. *А. Б-вича.* 413
XIV. Научныя новости:
1) Замѣчательное открытіе русскаго ученаго. 2) Атомный вѣсъ элемента радія. 3) Зависимость между распредѣленіемъ воздушнаго давленія и склоненіемъ Луны 418
XV. Хроника. Юбилей проф. А. В. Васильева. 421
XVI. Новыя книги:
1) О. Д. Хвольсонъ. Краткій курсъ физики. Проф. *Н. Гезехуса.* 2) О. Д. Хвольсонъ. Курсъ физики (полный) т. II и III. Проф. *Н. Гезехуса.* 3) Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. *О. В.* 4) Проф. Геркнеръ. Рабочій трудъ въ З. Европѣ. *С. Прокоповича.* 424
XVII. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва. 432
XVIII. Объявленія.
XIX. Приложенія:
1. Антропологія Канта. Перев. Н. М. Соколова. Лл. 6—9.

К593/7

1900 год VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

К593/7

№ 2.

ФЕВРАЛЬ.

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Января 1900 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 114.а
12 " III 1933 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. 12.

СОДЕРЖАНІЕ № 2.

стр.

I. Изъ первобытной исторіи человѣчества. *П. Засодимскаго* 189
II. Антропо-соціологія. Окончаніе. Прив.-доц. *Л. Винярскаго.* 200
III. Ученіе Бемъ-Баверка о прибыли и капиталѣ. *А. Рыкачева.* 219
IV. О развитіи методовъ теоретической физики въ новѣйшее время. Проф. *Больцманна.* 238
V. Къ методологіи соціальной науки. *Георга Зиммеля.* Пер. П. Берлина. 249
VI. Вліяніе космическихъ условій на физіологическія отправленія. Проф. *Сванте Арреніуса.* Перев. Д-ра М. В. Соколова 261
VII. Алхимическія задачи и ихъ исторія. Прив.-доц. *М. Ю. Гольдштейна.* 299
VIII. Критика новѣйшихъ экономическихъ ученій. *М. Филиппова.* 312
IX. Московская смута XVII вѣка и основа соціологіи. Проф. *А. Трачевскаго.* 328
X. Англія и Трансвааль. *Р. Фюслейна.* Перев. Піотровскаго. 343
XI. Народы и государства въ средніе вѣка. Проф. *А. Кауфманна.* 371
XII. Москитная теорія маляріи *Б—ъ.* 403
XIII. Отвѣтъ М. Филиппову. *А. Б—вича.* 413
XIV. Научныя новости:
1) Замѣчательное открытіе русскаго ученаго. 2) Атомный вѣсъ элемента радія. 3) Зависимость между распредѣленіемъ воздушнаго давленія и склоненіемъ Луны 418
XV. Хроника. Юбилей проф. А. В. Васильева. 421
XVI. Новыя книги:
1) О. Д. Хвольсонъ. Краткій курсъ физики. Проф. *Н. Гезехуса.* 2) О. Д. Хвольсонъ. Курсъ физики (полный) т. II и III. Проф. *Н. Гезехуса.* 3) Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. *О. В.* 4) Проф. Геркнеръ. Рабочій трудъ въ З. Европѣ. *С. Прокоповича.* 424
XVII. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва. 432
XVIII. Объявленія.
XIX. Приложенія:
1. Антропологія Канта. Перев. Н. М. Соколова. Лл. 6—9.

Критика новѣйшихъ экономическихъ ученій.

Мы до сихъ поръ совершенно оставляли въ сторонѣ понятіе цѣнности. Было лишь замѣчено, что исторически это понятіе возникло гораздо позднѣе, чѣмъ понятіе цѣны. Послѣднее было естественнымъ послѣдствіемъ обмѣна. Какъ только первоначальный мѣновой торгъ замѣнился болѣе регулярной торговлей, основанной на употребленіи какихъ бы то ни было денежныхъ знаковъ, понятіе цѣны, т. е. денежнаго эквивалента всевозможныхъ товаровъ, должно было установиться совершенно независимо отъ тѣхъ представленій, какія существовали относительно роли труда и другихъ факторовъ производства. Пониманіе этой роли потребовало множества подготовительныхъ условій, и, главнымъ образомъ, значительнаго развитія не только мѣновыхъ, но и производственныхъ отношеній,—при томъ на основѣ свободнаго труда. Рабскій, какъ и крѣпостной трудъ значительно затемнялъ отношенія между людьми, низводя человѣка на ступень, порою мало отличающуюся отъ положенія рабочаго скота: а между тѣмъ, развитое понятіе цѣнности прежде всего требуетъ яснаго различенія именно между человѣческимъ трудомъ и всѣми прочими видами работы, будь то работа неорганическихъ дѣятелей или же животныхъ. Вотъ почему, понятіе о цѣнности начинаетъ развиваться лишь съ той эпохи, когда человѣческая личность вообще громко заявляетъ о своихъ правахъ, а именно съ XVIII вѣка. Иное дѣло понятіе цѣны: каждый рабъ имѣлъ цѣну, отлично извѣстную рабовладѣльцу.

Школа Маркса совершенно основательно утверждаетъ, что цѣнность есть „общественное отношеніе“. Однако, изъ этого прямо слѣдуетъ, что и это отношеніе и понятіе о немъ должно было эволюціонировать вмѣстѣ съ развитіемъ общества. Понятіе цѣнности выражаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *абстрактное равенство между различными видами человѣческаго труда.* Подъ абстрактнымъ равенствомъ мы подразумѣваемъ *способность замѣщенія.* Это вовсе не значитъ, что продуктъ труда одного часа дровосѣка равенъ по цѣнности продукту труда пекаря: это значитъ, что взятый въ

достаточномъ количествѣ (въ какомъ именно, зависитъ отъ чисто эмпирическихъ условій даннаго общества) продуктъ одного вида труда всегда можетъ *замѣстить* любое данное количество продукта другого труда, т. е. вступить съ нимъ въ отношеніе обмѣна. Лишь въ этомъ смыслѣ всякій трудъ равенъ другому. Это относится и къ художественнымъ произведеніямъ, если только онѣ становятся предметами экономическаго оборота, т. е. приближаются къ ремеслу. Взявъ достаточное количество печныхъ горшковъ, мы можемъ окупить художественную статуэтку: послѣдняя есть предметъ экономическаго оборота, если художникъ можетъ производить такія статуэтки десятками на продажу и, въ особенности, если онъ продаетъ копіи съ одного и того же образчика. Извѣстнымъ количествомъ печныхъ горшковъ можно было бы, конечно, купить и самого Апполона Бельведерскаго, находись онъ въ частномъ владѣніи. Но такія истинныя произведенія искусства лишь *фиктивно* уподобляются товарамъ: первое и основное отличіе ихъ отъ товаровъ то, что они не могутъ быть воспроизведены (исключая копій, никогда не равныхъ оригиналу и представляющихъ, въ свою очередь, художественныя произведенія: иное дѣло чисто *механическія* копіи, напр. фотоскульптурныя).

Итакъ, „мѣновая“ цѣнность есть не что иное, какъ абстрактное равенство разныхъ видовъ труда. Для признанія такого равенства, очевидно, важнымъ условіемъ является признаніе нѣкотораго экономическаго равенства между самими трудящимися—и вотъ это именно условіе отсутствуетъ при господствѣ рабскаго и крѣпостного труда. Оно имѣется на лицо, хотя и не въ совершенномъ видѣ, въ современномъ обществѣ, съ его господствомъ наемнаго труда лично свободныхъ людей. Несомнѣнно, однако, что фактъ господства наемнаго труда, т. е. фактъ отдѣленія трудящагося отъ средствъ производства, долженъ въ свою очередь придать понятію цѣнности своеобразный отпечатокъ, который былъ бы ему чуждъ, напр., въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли дѣло исключительно съ самостоятельными производителями [1]).

Господство наемнаго труда, прежде всего, скрываетъ отъ общественнаго сознанія ту истину, что трудъ, какъ умственный, такъ и физическій, есть не только общественная необходимость, но органическая *потребность* каждаго здороваго взрослаго члена общества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, современный буржуа долженъ предварительно испытать послѣдствія праздной жизни, выражающіяся въ ожирѣніи и цѣломъ рядѣ недуговъ, съ нимъ связан-

---

[1]) Фикція такихъ производителей фигурировала въ нашей первой статьѣ. Фактически, средневѣковый ремесленникъ сначала былъ крѣпостнымъ, потомъ—членомъ цеха.

ныхъ. До какой степени необходимъ человѣку чисто *физическій* трудъ, ясно изъ цѣлаго ряда нелѣпѣйшихъ суррогатовъ этого труда, придумываемыхъ медициной для праздныхъ людей, вродѣ аппаратовъ, на которыхъ, не выходя изъ своей комнаты, можно упражняться въ движеніяхъ, напоминающихъ катанье на велосипедѣ, работу веслами и т. п. Такимъ образомъ современный буржуа, ради поправленія здоровья, иногда выполняетъ работу вродѣ тѣхъ безцѣльныхъ и безсмысленныхъ движеній, какія нѣкогда назначались, въ видѣ наказанія, каторжникамъ. Съ другой стороны, и теорія Толстого, съ ея отрицательнымъ отношеніемъ почти ко всякому умственному труду, опровергается тѣмъ, что за отсутствіемъ болѣе нормальныхъ психическихъ стимуловъ, „простой рабочій человѣкъ“ нерѣдко замѣняетъ ихъ алкоголизмомъ, дикимъ разгуломъ, наконецъ, мистицизмомъ, куда вгоняетъ всю свою психическую энергію.

Въ то время какъ понятіе цѣны довольствуется отношеніями обмѣна и не ищетъ даже соціальныхъ причинъ, требующихъ функціонированія денегъ, понятіе цѣнности вытекаетъ научнымъ образомъ лишь изъ сравненія различныхъ видовъ труда и изъ попытки найти ихъ общее мѣрило. Адамъ Смитъ еще недостаточно различалъ цѣнность отъ цѣны и усматривалъ въ цѣнности родъ „естественной цѣны“ предмета.

„Цѣнность любого полезнаго предмета,—говоритъ Смитъ (Бог. Нар. Кн. I гл. V) для лица, обладающаго имъ и не намѣревающагося пользоваться имъ или потребить его лично, но желающаго обмѣнять его на другіе полезные предметы, равна количеству труда, какое онъ можетъ купить или которымъ можетъ располагать помощью этого предмета. Трудъ есть истинное мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ предметовъ. Истинная цѣна каждаго предмета, или то, что каждая вещь дѣйствительно стоитъ человѣку, нуждающемуся въ ея пріобрѣтеніи, есть трудъ и хлопоты по ея пріобрѣтенію. Настоящая цѣнность каждаго предмета для человѣка, пріобрѣвшаго эту вещь, есть трудъ и хлопоты, отъ которыхъ она можетъ его избавить, и которыя она можетъ наложить на другихъ людей. Купленное деньгами или за какія либо имущества, покупается трудомъ, точно такъ же какъ и то, что мы добываемъ трудомъ нашего собственнаго тѣла. Деньги и имущество, дѣйствительно, лишь избавляютъ насъ отъ этого труда. Онѣ содержатъ цѣнность извѣстнаго количества труда“.

Точка зрѣнія Смита на наемный трудъ и цѣнность его продуктовъ здѣсь очень наивно выражена—въ недостаточномъ различеніи между своимъ и чужимъ трудомъ. Съ одной стороны, Смитъ сознаетъ, что всякая цѣнность создается исключительно трудомъ: съ другой—онъ не различаетъ между цѣнностью, добытою рабочимъ для предпринимателя и тою, которую получаетъ рабочій какъ эквивалентъ траты своей рабочей силы. Предприниматель, покупая трудъ, по Смиту, заботится лишь о томъ, чтобы избавить себя самого отъ точно такого же труда—напр., фабрикантъ нанимаетъ рабочихъ для того, чтобы самому не исполнять трудъ нѣсколькихъ сотъ лицъ, работающихъ на фабрикѣ! Отношенія, о которыхъ говоритъ Смитъ, реализуются приблизительно въ деревнѣ, гдѣ мѣстный ткачъ нанимаетъ батрака выполнять сельскохозяйственныя работы, для того, чтобы избавить самого себя отъ полевыхъ работъ и продолжать свое обычное занятіе ткачествомъ.

Трудъ является общественной необходимостью во всякомъ обществѣ; но не во всякомъ обществѣ трудъ соціально-необходимъ для всѣхъ способныхъ къ работѣ членовъ. Владѣніе средствами производства и деньгами избавляетъ людей отъ необходимости работать и дѣлаетъ для другихъ людей необходимымъ работать по найму. Поэтому, цѣнность капитала не есть средство избавить капиталиста отъ труда: избавленіе уже подразумѣвается самой категоріей капитала.

Смитъ вполнѣ ясно понимаетъ, что „богатство“ въ новѣйшемъ обществѣ означаетъ не что иное, какъ господство надъ извѣстнымъ количествомъ труда или же надъ его продуктами. Но этого пониманія еще недостаточно для того, чтобы прослѣдить, какъ проявляется законъ цѣнности въ обществѣ, имѣющемъ въ основѣ наемный трудъ: вѣдь господство надъ трудомъ, хотя въ иной формѣ, существуетъ и при рабствѣ, и при крѣпостничествѣ.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ законъ цѣнности проявлялся бы въ обществѣ, которое состояло бы сплошь изъ самостоятельныхъ производителей при полномъ отсутствіи наемнаго труда. Въ такомъ обществѣ мѣновыя отношенія, если бы они устанавливались между членами общества, слѣдовали бы простому закону, изложенному нами въ предыдущей статьѣ. Пусть будутъ P и P′ количества продуктовъ, c и c' рабочее время, воплощенное въ затраченныхъ на эти продукты средствахъ производства, w и w' рабочее время текущаго (живого труда) воплощеннаго въ продуктахъ.

Мы видѣли, что въ этомъ случаѣ получается мѣновое отношеніе:

$$\frac{P}{(c+w)\,q} = \frac{P'}{(c'+w')\,q'}$$

гдѣ q и q' коэффиціенты квалификаціи. Или, что то-же:

$$\frac{P}{P'} = \frac{(c+w)\,q}{(c'+w')\,q'}$$

Примемъ трудъ, дающій P′, за единицу мѣры. Тогда $q' = 1$. Возьмемъ такое количество P′ чтобы оно соотвѣтствовало часу

этого труда, включая и время, затраченное на средства производства, такъ что $c' + w' = 1$. Тогда найдемъ $\frac{P}{P'} = (c + w)\,q$.

Во второй части этого уравненія мы можемъ, однако, освободиться отъ множителя q. Для этого стоитъ предположить, что рабочее время $c + w$ выражено въ единицахъ *абстрактнаго* рабочаго времени, т. е. времени, соотвѣтствующаго труду, принятому за единицу мѣры. Тогда $\frac{P}{P'} = c + w$, гдѣ $c + w$, конечно, имѣетъ иное численное значеніе, чѣмъ въ предыдущемъ уравненіи.

Отсюда найдемъ $P = (c + w)\,P'$ [1]).

Послѣднее уравненіе выражаетъ не что иное, какъ пропорціональность между количествомъ продукта и воплощеннымъ въ немъ рабочимъ временемъ. Но съ другой стороны, мы видимъ пропорціональность между количествомъ даннаго продукта и количествомъ продукта того труда, который измѣряетъ собою экономическій эффектъ всякаго труда, т. е. количествомъ труда, принятаго за мѣрило. Это уравненіе показываетъ, стало быть, что мѣновое отношеніе опредѣляется рабочимъ временемъ, и что величина цѣнности даннаго продукта пропорціональна какъ воплощенному въ немъ абстрактному рабочему времени, такъ и условно избранной единицѣ мѣры. Если продуктъ, служащій мѣриломъ цѣнности, есть золото, то количество труда, накопленное въ вѣсовой единицѣ золота (или ея опредѣленной части), становится мѣриломъ цѣнности, и мѣновая цѣнность численно совпадаетъ съ цѣною продукта, выраженною въ золотѣ [2]).

Предположимъ теперь, что средства производства отдѣлены отъ трудящагося. Тогда часть живого труда, во всякомъ случаѣ, должна окупить содержаніе рабочаго или многихъ рабочихъ. Цѣнность, соотвѣтствующая живому труду, распадается теперь на двѣ части. Одна изъ нихъ, назовемъ ее v, соотвѣтствуетъ цѣнности средствъ существованія рабочаго, другая m, присваивается предпринимателемъ. Выраженіе мѣновой цѣнности принимаетъ слѣдующій видъ:

$$\frac{P}{P'} = \frac{(c + v + m)\,q}{(c' + v' + m')\,q'}$$

Чтобы избавиться отъ квалификаціи труда, переведемъ все

[1]) Выраженіе $P = (c + w)\,P'q$, однако, предпочтительно въ томъ отношеніи, что подчеркиваетъ *квалификацію* труда,—а съ нашей точки зрѣнія, *всякій* трудъ квалифицированъ.

[2]) «Мѣновая цѣнность» выражается, поэтому, производительностью труда *эквивалента*, напр. золота; въ тоже время она прямо пропорціональна *квалификаціи* того труда, чей продуктъ оцѣнивается и обратно пропорціональна его *производительности*.

на абстрактное рабочее время. Тогда мѣновое отношеніе выразится въ видѣ отношенія:

$$\frac{P}{P'} = \frac{c + v + m}{c' + v' + m'}$$

гдѣ численное выраженіе, конечно, иное, чѣмъ въ предыдущей формулѣ.

Будемъ разсуждать съ точки зрѣнія предпринимателей. Для нихъ мало интересенъ вопросъ, какая часть труда называется мертвою, какая живою. Они интересуются лишь издержками производства и прибылью. Мертвый трудъ, затраченный на средства производства, плюсъ необходимый трудъ, служащій для содержанія рабочихъ, напр., $c + v$ для P, съ точки зрѣнія предпринимателя, образуетъ въ совокупности нѣчто цѣлое, а именно *издержки производства*. Прибавочный трудъ даетъ чистую прибыль. Назвавъ издержки производства, т. е. $c + v$, чрезъ C, получимъ мѣновое отношеніе:

$$\frac{P}{P'} = \frac{C + m}{C' + m'}$$

Процентное отношеніе прибыли къ издержкамъ производства, т. е. выраженное въ процентахъ отношеніе $\frac{m}{c} = p'$, есть норма прибыли.

Допустимъ, согласно съ наблюденіемъ, что она для всѣхъ производствъ стремится къ равенству. Тогда можемъ написать:

$$\frac{P}{P'} = \frac{C(1 + p')}{C'(1 + p')} = \frac{C}{C'}$$

Это значитъ, что цѣнности продуктовъ пропорціональны издержкамъ производства, т. е., собственно стремятся къ такой пропорціональности.

Открытіе, что мѣновыя цѣнности товаровъ „регулируются“ издержками производства давно уже сдѣлано практиками, а вслѣдъ за ними и вульгарными экономистами. Практики по своему правы, такъ какъ ихъ интересуетъ лишь прибыльность предпріятія. Но вульгарные экономисты грубо заблуждаются, усматривая *экономическій законъ* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *простомъ коммерческомъ вычисленіи*. Вульгарные экономисты должны принять во вниманіе слѣдующее. Если двѣ величины, обѣ равныя 110 какимъ либо единицамъ, произошли отъ приращенія нѣкоторыхъ первоначальныхъ величинъ на 10%, то само собою ясно, что обѣ первоначальныя величины равнялись каждая 100 ед. Къ этому *и только къ этому* чисто ариѳметическому закону сводится вся теорія „издержекъ производства“. Само собою разумѣется, что разъ дана общая норма прибыли и даны двѣ равновеликія цѣнности, то

издержки производства въ обоихъ случаяхъ были одинаковы: сказать это, значитъ лишь повторить еще разъ, что норма прибыли въ обоихъ случаяхъ равновелика, ибо прибыль=цѣнности товарной массы минусъ издержки производства. Но надо обладать поразительною наивностью, чтобы воображать, что такіе бухгалтерскіе счеты разъясняютъ природу цѣнности и ея соціальные элементы.

Съ равнымъ остроуміемъ вульгарные экономисты могли бы доказывать, что цѣнность товаровъ „регулируется“ ничѣмъ инымъ, какъ—цѣнностью этихъ самыхъ товаровъ. Дѣйствительно, мѣновая цѣнность массы продуктовъ, при данной нормѣ прибыли, есть вполнѣ опредѣленное кратное отъ издержекъ производства. Будь норма прибыли равна 100%, цѣнность товарной массы была бы всегда равна удвоенной величинѣ издержекъ. Само собою ясно, что рѣшительно все равно, будемъ ли мы разсматривать отношенія самыхъ издержекъ производства или же тѣхъ же издержекъ, помноженныхъ, скажемъ, на два.

Предыдущее изложеніе, хотя и не прибавляющее ничего существеннаго къ трудовой теоріи цѣнности, какъ она развита Марксомъ, по моему мнѣнію, способствуетъ устраненію нѣкоторыхъ недоразумѣній.

Такъ, прежде всего, мнѣ кажется, что это изложеніе совершенно устраняетъ всѣ трудности, связанныя съ понятіемъ „абстрактнаго труда“ и, въ особенности, съ существованіемъ *квалифицированнаго* труда, приводимаго къ простому труду.

Абстрактный трудъ не есть чисто *физіологическое* мѣрило траты мускуловъ и нервовъ, какимъ его считалъ Марксъ: такое мѣрило никогда не могло бы совпасть съ экономическимъ мѣриломъ, уже потому, что каждый видъ труда требуетъ качественно различной траты мускуловъ и нервовъ [1]). Каждому анатому извѣстно существованіе такъ наз. портняжной мышцы, дѣйствующей по преимуществу у портныхъ. Кузнечная работа требуетъ преимущественнаго напряженія совсѣмъ иныхъ мышцъ, чѣмъ работа человѣка, копающаго ровъ. „Простой“ поденный трудъ мощенія улицъ требуетъ дѣйствія совершенно иныхъ мускуловъ, чѣмъ многіе другіе виды грубаго поденнаго труда, напр., очистка снѣга съ панели.

Абстрактный трудъ есть не болѣе, какъ нѣкоторый фиктивный трудъ, для котораго вполнѣ опредѣлены объективныя и субъективныя условія, причемъ допущено, что эти условія остаются для данной эпохи абсолютно-постоянными. Какого рода конкретный трудъ фигурируетъ, какъ возможно большее приближеніе къ абстрактному

[1]) Введенное Марксомъ понятіе «общественно-необходимаго» рабочаго времени имѣетъ, наоборотъ, явный *соціологическій* характеръ. Стоитъ попытаться опредѣлить «общественно-необходимую физіологическую трату», чтобы понять все отличіе физіологіи отъ соціологіи.

труду—совершенно безразлично, какъ совершенно безразлично, представленъ ли математическій маятникъ въ конкретной мѣдной или стальной формѣ.

Требуется лишь, чтобы для конкретнаго труда, фигурирующаго, какъ приближеніе къ абстрактному труду, условія оставались возможно болѣе близкими къ теоретическому абсолютному постоянству, на практикѣ ни для одного вида труда не достижимому. Всего проще избрать трудъ добыванія драгоцѣнныхъ металловъ (золота) въ давно разрабатываемыхъ мѣсторожденіяхъ и при предположеніи неподвижной техники. Уклоненіе отъ теоріи здѣсь хотя выше того, какое мы совершаемъ, принимая, вмѣсто чисто идеальнаго метра, нормальный платиновый метръ за единицу мѣры, тѣмъ не менѣе часто незначительно (сравн. колебанія цѣнъ съ XVII по середину XIX вѣка). Вѣдь въ сущности и абсолютно постоянная мѣра длины существуетъ лишь въ нашемъ воображеніи, такъ какъ фактически и образцовый метръ, хранимый въ Парижѣ, не абсолютно неизмѣненъ.

Какъ мало понимаютъ отношеніе между конкретнымъ и абстрактнымъ трудомъ даже многіе послѣдователи Маркса, показываетъ недавняя критика Бернштейна, который пишетъ [1]):

„Цѣнность товаровъ въ новѣйшемъ обществѣ состоитъ, по Марксу, въ употребленномъ на нихъ общественно-необходимомъ трудѣ, измѣренномъ по времени. Но при этомъ масштабѣ цѣнности требуется рядъ абстракцій и упрощеній (редукцій). Прежде всего должна быть развита чистая мѣновая цѣнность, т. е. необходимо отвлечься отъ особенной потребительной цѣнности разныхъ товаровъ. Затѣмъ—при образованіи понятія всеобщаго или абстрактнаго человѣческаго труда—надо отвлечься отъ особенностей отдѣльныхъ родовъ труда. Затѣмъ, для того, чтобы придти къ общественно необходимому рабочему времени, какъ мѣрилу цѣнности, надо отвлечься отъ различій въ прилежаніи, годности, выучкѣ разныхъ рабочихъ“ [2]). Все это, пока, довольно точно.

Изложивъ далѣе различіе между цѣнами производства и цѣнностями, Бернштейнъ приходитъ, въ концѣ концовъ, къ выводу,

[1]) Bernstein, Die Voraussetzungen etc. S. 37.

[2]) Совершенно подходящимъ авторитетомъ для Бернштейна является цитируемый имъ русскій писатель Левъ Бухъ, авторъ книги: Интенсивность труда и пр. Въ свое время я разобралъ эту книгу и показалъ всю несостоятельность теоретическихъ основъ автора. (См. Научн. Об. № 1, 1897 года). Я буду имѣть случай возвратиться къ этой книгѣ, въ которой единственноцѣннымъ является заимствованное у школы Брентано положеніе, по которому сокращеніе продолжительности рабочаго дня (до извѣстнаго предѣла) обыкновенно приводитъ къ возрастанію интенсивности, а чрезъ это и производительности труда.

что ученіе Маркса о цѣнности есть *такое же* отвлеченіе, какъ и то, которое лежитъ въ основѣ теоріи предѣльной полезности. Почему? Потому что въ основѣ обоихъ лежатъ реальныя отношенія и въ то-же время оба ученія построены на абстракціяхъ.

Что *всякая* теорія въ концѣ концовъ требуетъ абстракцій—это безспорная истина. Далеко, однако, не безразлично, каковы тѣ реальныя отношенія, изъ которыхъ извлекается теорія и каковы абстракціи, служащія для ея построенія. Ученіе объ опредѣленіи цѣнности издержками производства также опирается на реальный фактъ—существованіе прибыли. Оно также абстрактно, такъ какъ *абсолютное* равенство нормы прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ нигдѣ не осуществляется, а существуетъ лишь тенденція къ такому равенству. Тѣмъ не менѣе, какъ было замѣчено, это вульгарное ученіе о цѣнности никакого научнаго значенія не имѣетъ и, въ сущности, оно вовсе не есть ученіе о цѣнности, а лишь перефразировка того положенія, что норма прибыли стремится къ уравненію во всѣхъ отрасляхъ производства.

Понятіе объ абстрактномъ трудѣ аналогично понятію о любой физической мѣрѣ и оно совершенно напрасно было (отчасти и у Маркса) загромождено разными метафизическими тонкостями.

Представимъ себѣ, что рѣчь идетъ объ установленіи мѣры длины. Обладая абстрактнымъ математическимъ понятіемъ длины, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками, мы должны, при построеніи конкретной мѣры длины, прежде всего „отвлечься“ отъ множества физическихъ свойствъ предметовъ. Блескъ и цвѣтъ вещества, изъ котораго будетъ приготовленъ нашъ метръ, для насъ безразличны. Насъ интересуютъ лишь тѣ свойства, которыя позволяютъ сдѣлать шестъ приблизительно неизмѣнной формы. Поэтому мы заранѣе исключаемъ, напр., летучія тѣла, дѣлаемъ нашъ метръ изъ стали или еще лучше изъ иридистой платины, а если необходима особая точность, помѣщаемъ его въ опредѣленную температуру и оберегаемъ отъ разныхъ разрушительныхъ вліяній. Здѣсь, какъ и во всѣхъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ, мы стараемся приблизиться къ абстрактному понятію неизмѣнной мѣры помощью возможно постоянныхъ условій самого опыта. Въ соціальныхъ наукахъ такой пріемъ долженъ быть нѣсколько видоизмѣненъ. Здѣсь существуетъ лишь мысленное изолированіе. Цѣлесообразность избраннаго нами метода умственнаго изолированія, однако, всецѣло будетъ зависѣть отъ того, какими мы пользуемся абстракціями.

Абстрактный трудъ есть, конечно, лишь фиктивный трудъ Для приближенія къ нему, однако, достаточно избрать *любой* трудъ, находящійся въ приблизительно постоянныхъ условіяхъ. Вліяніе индивидуальности рабочаго исключается тѣмъ, что разсматриваютъ не одного рабочаго, а многихъ, занимающихся опредѣленнымъ видомъ труда въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ. Каждый практикъ знаетъ, напр., сколько можетъ въ среднемъ выпахать пахарь сохою или плугомъ извѣстной конструкціи и на почвѣ опредѣленнаго качества. Индивидуальныя уклоненія, особенно если разсматривать не слишкомъ обширную область, не превышаютъ извѣстной весьма ограниченной нормы. Понятіе о «среднемъ» трудѣ, поэтому, далеко не виситъ въ воздухѣ.

Съ чисто теоретической точки зрѣнія не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей и вопросъ о квалификаціи труда, нерѣдко считающійся камнемъ преткновенія для трудовой теоріи. На самомъ дѣлѣ трудность здѣсь не болѣе той, какую можно усмотрѣть въ переводѣ футовъ на аршины или на метры. Съ теоретической точки зрѣнія вполнѣ умѣстно допустить, что отношеніе между средней величиною цѣнности, добываемой часомъ труда сапожника и часомъ же труда столяра есть величина извѣстная. Практическая трудность опредѣленія этого отношенія—совсѣмъ иной вопросъ. Простѣйшимъ способомъ опредѣленія было-бы предложить столяру работу у сапожника и обратно, и вычесть трату матеріаловъ и орудій.

Необходимо еще одно поясненіе. Хотя мы употребляли математическія формулы, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто фактически мѣновыя отношенія могутъ быть сколько нибудь опредѣлены помощью математически-точнаго измѣренія рабочаго времени и установленія точныхъ коэффиціентовъ квалификаціи труда. Формулы имѣли цѣлью лишь болѣе краткое выраженіе извѣстныхъ тенденцій: ихъ нельзя сравнивать даже съ эмпирическими законами, получаемыми въ тѣхъ отрасляхъ знанія, гдѣ возможно точное измѣреніе. Но въ этой своей роли формулы вполнѣ умѣстны и я не могу согласиться съ С. Булгаковымъ, который во всякой попыткѣ дать точное количественное выраженіе закона цѣнности усматриваетъ „коммерческую“ точку зрѣнія [1]). Съ равнымъ правомъ можно было назвать вѣсы «коммерческимъ» приборомъ, хотя только вѣсы сдѣлали возможною новѣйшую химію. Абстрактные законы экономической науки могутъ и должны быть выражаемы въ точной количественной формѣ, что не мѣшаетъ намъ помнить ихъ абстрактный характеръ: въ дѣйствительной жизни они „осуществляются“ лишь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ осуществляется въ явленіяхъ, напр., законъ инерціи. Осуществленіе это можетъ быть только приблизительнымъ, по причинѣ существованія усложняющихъ условій. На практикѣ, напр., ни одно тѣло не находится

[1]) См. весьма любопытную статью С. Булгакова о цѣнности въ №№ „Научн. Об.“ 1898 г. № 1.

ни въ состояніи абсолютнаго покоя, ни абсолютно равномѣрнаго движенія.

Въ теоріи цѣнности существуетъ другой, гораздо болѣе существенный вопросъ—объ уклоненіи дѣйствительныхъ отношеній отъ абстрактной цѣнности. Если оставимъ въ сторонѣ всѣ отступленія, вытекающія изъ самой природы абстрактнаго закона, то можно ли все же сказать, что законъ цѣнности осуществляется въ новѣйшемъ обществѣ, или же, быть можетъ, законъ этотъ осуществлялся лишь въ извѣстную историческую эпоху,—теперь же законъ трудовой цѣнности перекрещивается съ какимъ либо другимъ закономъ—скажемъ закономъ равной нормы прибыли—вслѣдствіе чего его дѣйствіе совершенно видоизмѣняется? Законъ тяготѣнія, напр., ни мало не *нарушенъ* для двухъ магнитныхъ массъ, однако магнитное взаимодѣйствіе между двумя массами настолько видоизмѣняетъ дѣйствіе этого закона, что кусокъ желѣза, притягиваемый сильнымъ магнитомъ, можетъ полетѣть вверхъ, вмѣсто того, чтобы падать внизъ, по направленію къ центру земли.

Вопросъ объ отступленіи „цѣнностей“ (цѣнъ) товаровъ отъ «трудовой» цѣнности породилъ въ послѣднее время цѣлую литературу.

Вопросъ этотъ былъ впервые поставленъ сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ Рикардо. Этотъ экономистъ, пытавшійся строго провести трудовую теорію и устранить непослѣдовательности, допущенныя Адамомъ Смитомъ, наткнулся, однако, на слѣдующую трудность. Разные предприниматели затрачиваютъ капиталы, не одинаковымъ образомъ составленные изъ тѣхъ частей, которыя Марксъ назвалъ постоянною и перемѣнною частью капитала. Принимая терминологію Маркса, слѣдуетъ сказать, что органическій составъ капиталовъ не одинаковъ. Является вопросъ, не нарушенъ ли этимъ законъ цѣнности? Рикардо полагалъ, что и цѣнности товаровъ, добытыхъ капиталами одинаковой величины, но разнаго строенія, дѣйствительно будутъ неодинаковы. Его собственные примѣры и разсужденія, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, однако, ровно ничего не доказываютъ, кромѣ того, что большій капиталъ, при данной нормѣ прибыли, даетъ и большую прибыль [1]).

Гораздо труднѣе рѣшеніе вопроса, поставленнаго Марксомъ и рѣшеннаго имъ въ III т. Капитала. Въ другихъ моихъ статьяхъ я старался показать, что и это рѣшеніе недостаточно, и что единственнымъ рѣшеніемъ вопроса является допущеніе измѣнчивой нормы прибавочной цѣнности, для чего, въ свою очередь, приходится допустить, что колебаніе этой нормы, поскольку оно не зависитъ отъ колебаній заработной платы, опредѣляется различіемъ

[1]) См. мою статью въ „Научн. Об.“ 1899 г. № 7.

цѣнностей, производимыхъ въ единицу времени трудомъ одного и того же рабочаго (или двухъ «среднихъ» рабочихъ) въ зависимости отъ объективныхъ условій приложенія труда. Это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что квалификація труда создается не только искусствомъ и выучкою рабочаго, но и количествомъ и качествомъ тѣхъ средствъ производства, съ которыми онъ работаетъ. Для отличія этой, такъ сказать, *объективно-данной квалификаціи труда* отъ субъективныхъ качествъ рабочей силы, я предложилъ ввести понятіе *валентности* труда. Такъ, если одинъ и тотъ же машинистъ управляетъ сначала машиною въ одну паровую силу, а затѣмъ въ сто силъ, то несмотря на почти полное тожество субъективныхъ условій труда въ обоихъ случаяхъ, объективныя условія настолько различны, что, по моему, вопреки Марксу, невозможно допустить равенство производимыхъ машинистомъ въ данное время цѣнностей. Трудъ, при приложеніи къ многосильной машинѣ, становится выше квалифицированнымъ. Повышеніе квалификаціи зависитъ здѣсь по-просту отъ кооперації прежняго живого труда съ гораздо большимъ количествомъ мертваго труда, и повышеніе это ни малѣйшимъ образомъ не составляетъ заслуги капиталиста, какъ владѣльца машинъ, а вытекаетъ изъ того обстоятельства, что машины представляютъ, въ свою очередь, продуктъ *человѣческаго* труда и кооперації. Что кооперація повышаетъ производительность труда—это общеизвѣстно. Но повышаетъ ли она цѣнность, добываемую въ единицу времени? Съ этимъ, быть можетъ, не согласятся: однако немногіе возстанутъ противъ уподобленія мертваго труда—живому. Мертвый трудъ, конечно, существенно отличается отъ живого тѣмъ, что не требуетъ содержанія. Но по отношенію къ кооперації, никакой существенной разницы нѣтъ. Предположимъ, что данный товаръ сначала производился 5 изолированными рабочими и въ часъ производилось однимъ рабочимъ 100 единицъ товара. Допустимъ, что цѣнность этихъ 100 ед. товара равнялась 100 ед. цѣнности. Пусть эти 5 рабочихъ образовали сами или подъ командою капитала кооперацію, въ которой, благодаря, напр., раздѣленію труда, производительность труда повысилась вдвое: 5 рабочихъ раньше могли произвести 500 ед. товара цѣнностью въ 500 ед. цѣнности. Теперь тѣ-же 5 рабочихъ произведутъ вмѣсто 500 ед. 1000. Цѣнность этой 1000 однако не будетъ равна 1000 ед. цѣнности, такъ какъ при увеличеніи производительности труда цѣнность единицы товара, вообще, понижается. Если бы она понизилась вдвое, то 1000 ед. товара по прежнему соотвѣтствовали бы 500 ед. цѣнности. На дѣлѣ, однако, ни кооперація, ни улучшенные способы производства не захватываютъ сразу цѣлыхъ отраслей, и цѣнность всей массы товара никогда не понижается сразу въ той пропорціи, въ

какой она понижается у піонеровъ новаго способа. Поэтому средніе *общественные* цѣнности будутъ, первоначально, средними между старыми и новыми, и оказывается, что новые предприниматели располагаютъ какъ бы квалифицированнымъ трудомъ. Въ этомъ я и вижу источникъ повышенной „валентности“ труда, утилизируемаго капиталомъ высшаго (или, вообще, улучшеннаго технически) состава.

Сказанное о положеніи дѣлъ внутри даннаго производства примѣнимо, однако, и къ разнымъ производствамъ [1]). Въ числѣ послѣднихъ есть всегда технически передовыя и технически отсталыя отрасли,—есть такія, въ которыхъ органическій составъ выше средняго и такія, гдѣ онъ ниже. Но съ точки зрѣнія *цѣнностей*, всѣ капиталы сравнимы между собою, совершенно независимо отъ того, является ли низкій или высокій составъ капитала кратковременною или продолжительною техническою необходимостью даннаго производства. Во всякомъ случаѣ, абсолютной необходимости съ технической точки зрѣнія быть не можетъ. Такъ, капиталъ пекаря, вообще говоря, низкаго состава, но въ Парижѣ уже существуютъ механическія пекарни съ весьма высокимъ составомъ капитала. Составъ сельскохозяйственнаго капитала, въ среднемъ, гораздо выше въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Россіи, и даже въ южныхъ степныхъ губерніяхъ Россіи по сравненію, напр., съ Тульской губерніей. Именно поэтому, вопреки нѣкоторымъ „критическимъ“ недоразумѣніямъ, съ которыми мнѣ пришлось уже имѣть дѣло въ моей прошлогодней полемикѣ,—недоразумѣніямъ, основаннымъ на томъ, что нѣкоторые оппоненты смѣшивали способность труда образовать данную величину цѣнности, т. е. валентность труда, съ его производительностью—я продолжаю утверждать, что различный органическій составъ капиталовъ приводитъ къ различной валентности занятаго ими труда и что этотъ случай зависитъ отъ особаго рода кооперации. Мертвый трудъ здѣсь не отличается существенно отъ живого труда. Кооперація между рабочими и при живомъ трудѣ не непремѣнно имѣетъ характеръ одновременности. Если одинъ рабочій рѣжетъ проволоку, а другой затѣмъ оттачиваетъ ея конецъ, третій насаживаетъ головку и получаетъ булавку, то трудъ каждаго предыдущаго по отношенію къ послѣдующему играетъ роль мертваго труда: дѣло происходитъ совсѣмъ такъ, какъ еслибы послѣдній рабочій получилъ

[1]) Возраженіе Прокоповича, что для двухъ *различныхъ* отраслей нѣтъ общей общественно-необходимой цѣнности, основано на недоразумѣніи. Рѣчь идетъ вовсе не объ общей „производительности“ труда всякаго рода, но о величинѣ цѣнности, производимой въ 1 часъ сапожникомъ и портнымъ, а это величины выраженныя въ томъ же абстрактномъ трудѣ и вполнѣ между собою сравнимыя.

въ видѣ сырья почти оконченную булавку. Никакого принципіальнаго различія между кооперацією рабочихъ и тою, которая сводится къ обработкѣ продуктовъ прошлаго труда, усмотрѣть нельзя, и если одинъ изъ видовъ кооперации можетъ не только увеличить производительность труда, но и повысить цѣнность, (чего, впрочемъ правовѣрный марксизмъ не допускаетъ) производимую каждымъ изъ рабочихъ, то то-же возможно для другого вида. Повышеніе цѣнности было бы невозможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы повышеніе производительности труда сразу захватывало въ одинаковой мѣрѣ всѣ единичныя производства и всѣ отрасли даннаго раіона, что, разумѣется, фактически никогда невозможно. На самомъ дѣлѣ техническія условія даже внутри данной отрасли производства улучшаются лишь постепенно; новые способы, если даже не скрываются въ тайнѣ, не всегда могутъ быть сразу примѣнены, какъ по недостатку капиталовъ, такъ и потому, что требуютъ порою ломки уже принятыхъ приспособленій. Но что особенно важно для нашей цѣли,—всего труднѣе было бы достичь техническаго равенства совершенно различныхъ, качественно несоизмѣримыхъ отраслей производства. Средній составъ капитала въ нихъ, большею частью, различенъ, и это то различіе неизбѣжно влечетъ за собою различіе валентности примѣняемаго труда, а порою причиняетъ и довольно значительныя различія въ заработной платѣ, въ длинѣ рабочаго дня и интенсивности труда—что еще болѣе способствуетъ разнообразію нормъ эксплуатаціи.

Въ виду того, что въ моихъ прошлогднихъ статьяхъ изложеніе моихъ личныхъ взглядовъ перемѣшивалось съ полемикой, а также имѣя въ виду читателей, быть можетъ, незнакомыхъ съ указанными статьями, постараюсь здѣсь резюмировать свою теорію въ возможно сжатомъ видѣ.

Основная формула, устанавливающая связь между нормою прибыли и нормою прибавочной цѣнности, гласитъ слѣдующее: норма прибыли прямо пропорціональна нормѣ прибавочной цѣнности и обратно пропорціональна тому, что я назвалъ коэффиціентомъ сложенія капитала, т. е. отношенію совокупнаго затрачиваемаго капитала къ перемѣнному капиталу:

$$p' = \frac{m'}{k}$$

гдѣ p' норма прибыли, m' норма прибав. цѣнности, $k = \frac{c+v}{v}$.

Если, согласно съ тенденціей нормы прибыли къ равенству, мы допустимъ, что p' есть величина постоянная, то окажется, что норма прибавочной цѣнности должна для этого оставаться пропорціональною коэффиціенту сложенія капитала.

Является вопросъ: возможна ли такая пропорціональность?

Марксъ полагалъ—и онъ принималъ это во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о нормѣ прибыли,—что норма прибавочной цѣнности стремится въ свою очередь къ постоянству и что, стало быть, она совершенно *независима* отъ сложенія капитала. Но что такое норма прибавочной цѣнности? Она есть не что иное, какъ отношеніе прибавочнаго труда къ необходимому труду. Пусть какъ длина рабочаго дня, такъ и интенсивность труда—величины данныя (измѣнчивость ихъ лишь усилитъ наши выводы). Для даннаго производства мы можемъ тогда сказать, что въ единицу времени рабочій вновь производитъ строго опредѣленную величину цѣнности—причемъ мы отвлекаемся отъ индивидуальныхъ различій между рабочими или, другими словами, беремъ средняго рабочаго. Допустимъ для дальнѣйшаго упрощенія, что заработная плата во всѣхъ отрасляхъ одинакова (обратное допущеніе снова лишь усилило бы наши выводы). Если бы капиталъ данной величины всегда примѣнялъ одинаковое число рабочихъ, то, зная заработную плату одного рабочаго, мы тѣмъ самымъ знали бы какъ великъ перемѣнный капиталъ. Но именно это и невѣрно. Чѣмъ выше строеніе капитала, тѣмъ, вообще говоря, меньше требуется рабочихъ а совокупный капиталъ. Пусть даны два равныхъ совокупныхъ капитала:

I. $c+v=c+na$ гдѣ n число рабочихъ, a индивидуальная плата.

II. $c'+v'=c'+n'a$ гдѣ n' число рабочихъ, a имѣетъ прежнюю величину. Если $c'>c$, то $v'<v$ и $n'<n$.

Допустимъ, въ согласіи съ эмпирическимъ закономъ равной прибыли, что оба эти равновеликіе капитала даютъ и равныя массы прибавочной цѣнности [1]). Послѣ приращенія (причемъ $m=m'$), наши капиталы примутъ видъ:

I. $c+v+m=C+m$ } норма прибыли въ обоихъ слу-
II. $c'+v'+m'=C+m$ } чаяхъ $p'=\frac{m}{C}$.

Съ другой стороны, пусть будетъ b цѣнность, вновь производимая однимъ рабочимъ въ первомъ производствѣ, b' во второмъ. Тогда мы можемъ написать $\frac{v+m}{n}=\frac{na+m}{n}=b$, откуда $b=a+\frac{m}{n}$ и точно также $b'=a+\frac{m}{n'}$. Такъ какъ a и m въ обоихъ случаяхъ одинаковы, то $n'<n$, или, что то же, $\frac{m}{n'}>\frac{m}{n}$; и ясно, что $b'>b$. Т. е. цѣнность, вновь производимая рабочимъ при второмъ капиталѣ (при равномъ рабочемъ днѣ, а, стало быть, и въ любую единицу времени) будетъ *больше*, чѣмъ при первомъ капиталѣ. Итакъ, равенство нормы прибыли требуетъ разной валентности труда, приложеннаго къ капиталамъ разнаго состава.

[1]) Разумѣется допущено, что *цѣны=цѣнностямъ*: рыночныя отступленія отброшены, какъ и Марксовы «цѣны производства». Послѣднія я объясню особо.

Какъ и всякій вообще абстрактный законъ экономической науки, выведенное нами положеніе не можетъ быть *доказано* статистически: однако статистическія данныя могутъ служить для него *повѣркой*. И едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что огромное большинство статистическихъ данныхъ будетъ въ нашу пользу, т. е. что повышенію строенія капитала (какъ въ одной и той же, такъ и въ разныхъ отрасляхъ производства) будетъ соотвѣтствовать, вообще говоря, повышенная валентность труда, которую, повторяю, необходимо строго отличать отъ повышенной производительности. Если повышеніе производительности сопровождается строго пропорціональнымъ пониженіемъ *общественной* цѣнности единицы продукта, то товарная масса не измѣнитъ своей цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпадутъ и наши заключенія, справедливыя лишь при допущеніи, что такой строгой пропорціональности нѣтъ, и что пониженіе цѣнности единицы товара, для капиталовъ *высшаго* сложенія, отстаетъ отъ ихъ производительности. Таковы главныя теоретическія основы, изъ которыхъ исходитъ авторъ настоящихъ очерковъ. Детали разъяснятся позднѣе, рука объ руку съ критикою чужихъ взглядовъ [1]).

М. Филипповъ.

[1]) По нѣкоторымъ причинамъ, я счелъ неудобнымъ остановиться здѣсь на вопросѣ о землевладѣніи и рентѣ, съ которымъ мнѣ придется часто имѣть дѣло въ послѣдующихъ очеркахъ.